

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЕБЕДЕВ

кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры русского языка Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
perevodchik88@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЯЗЫКЕ ПОЭЗИИ XIX ВЕКА*

Рассматриваются вопросы, связанные со спецификой структуры многокомпонентных сложноподчиненных конструкций в поэтическом творчестве П. А. Вяземского и А. А. Дельвига, значимых поэтов XIX века, однако при этом не слишком известных современному читателю. Для выполнения исследования привлекаются данные, полученные в ходе работы над «Синтаксическим словарем русской поэзии». Определяются наиболее продуктивные модели многокомпонентных сложноподчиненных предложений. Представлен анализ поэтических текстов двух авторов с учетом ряда критериев: размер конструкции, синтаксические отношения, осложнители предложения, использование однородных придаточных. Несмотря на внешнее сходство исследованных конструкций с точки зрения размера предложений и основных синтаксических отношений, наблюдается фундаментальная разница в выборе авторами определенных типов придаточных (в частности, придаточных времени и места), в использовании разных типов осложнителей (деепричастного и причастного оборотов, обращений и вставных конструкций), в появлении либо отсутствии в пределах предложения однородных придаточных. Полученные выводы обеспечивают более последовательное и точное описание специфики поэтического творчества П. А. Вяземского и А. А. Дельвига, позволяют определить имеющиеся у авторов стилистические предпочтения, а также уточнить роль данных авторов в формировании поэтической картины XIX века на фоне других поэтов того времени.

Ключевые слова: поэтический синтаксис, многокомпонентное сложноподчиненное предложение, подчинение, категория осложнения, идиостиль, синтаксический словарь

Изучение многокомпонентного сложного предложения представляет собой одно из традиционных направлений в сфере синтаксиса. Существует целый ряд научных работ, связанных с анализом структуры многокомпонентных сложноподчиненных предложений в текстах разных жанров и стилей (будь то тексты публицистического или научного стиля, различные художественные произведения и т. п.). К данной проблеме обращались такие исследователи, как Н. С. Поспелов, Н. С. Ганцовская, Г. Ф. Калашникова, А. И. Албаниязов и ряд других. Более того, показателен определенный всплеск интереса к данной теме в последние несколько лет, когда многокомпонентное сложное предложение рассматривается с точки зрения дополнительных аспектов: в сопоставлении со сложным синтаксическим целым [1] либо с учетом функционирования в письменной речи персонажей художественных произведений [2], а также в сравнении с данными других языков [5], [12].

Хотя, как отмечают исследователи, проблема «эволюции языка вообще (и поэтического языка в частности) имеет весьма солидный возраст» [4: 6], не менее актуальным и сегодня остается вопрос анализа художественных произведений авторов XIX века, чье творчество сыграло колоссальную роль в формировании современного

русского литературного языка. Одной из фундаментальных работ последнего времени стала монография З. К. Тарланова «Русский литературный язык пушкинского периода: становление критико-публицистического стиля» [11], где высказан ряд замечаний, связанных в том числе и с вопросами синтаксиса текстов той эпохи. Безусловно, при анализе индивидуально-авторского стиля не должна оставаться без рассмотрения синтаксическая структура поэтических текстов – причем не только с точки зрения характерных для языка поэзии в целом элементов (будь то бессоюзная связь, средства речевой выразительности и т. п.), но и с учетом присутствующих в текстах нетипичных конструкций. Именно поэтому видится важным выполнение анализа встречаемости многокомпонентных сложных предложений в стихотворном лирическом творчестве, для которого, казалось бы, в силу лаконизма малого поэтического жанра такие конструкции не должны быть характерны. Однако некоторые из поэтов, обладая внутренним стремлением к точности передачи информации (даже в рамках лирической коммуникации, которая подразумевает недосказанность), не могут не использовать такой тип предложений, что накладывает определенный отпечаток на структуру произведения, равно как и на восприятие читателем литературного текста в целом.

Одним из современных инструментов для определения специфики синтаксического строя лирического творчества того или иного автора становится «Синтаксический словарь русской поэзии», работа над которым ведется на кафедре русского языка Петрозаводского государственного университета. Использование данного словаря оптимально для исследования лирического наследия XVIII–XIX веков в синтаксическом аспекте, так как он представляет собой комбинацию словаря-конкорданса, позволяющего работать с контекстами, и частотного словаря, демонстрирующего «общие и частные тенденции в творческой эволюции отдельных поэтических идиостилей» [9: 54].

Целью данного исследования стало выявление в творчестве П. А. Вяземского и А. А. Дельвига наиболее продуктивных моделей многокомпонентных сложноподчиненных предложений. Подвергнув анализу их структурную и семантическую специфику, а также сравнив представление данных типов конструкций в творчестве двух авторов, можно сделать ряд выводов, связанных с функционированием анализируемых конструкций в рамках лирической коммуникации.

В качестве критериев для сравнения и анализа многокомпонентных сложноподчиненных предложений было выбрано четыре параметра:

- 1) размер конструкции (число частей многокомпонентного сложноподчиненного предложения),
- 2) синтаксические отношения между частями,
- 3) наличие осложнителей в многокомпонентном сложноподчиненном предложении,
- 4) использование однородных придаточных предложений.

Выбор подобных критериев основывался на рубриках таблиц «Синтаксического словаря русской поэзии» (подробное описание параметров приведено во вступительной статье к «Синтаксическому словарю русской поэзии XVIII века» [10: 22–25]). В исследовании были задействованы материалы, созданные при работе над словарем. Путем сплошной выборки среди стихотворений П. А. Вяземского (310 стихотворных текстов, 3449 предложений) было обнаружено 68 конструкций, относящихся к многокомпонентным сложноподчиненным предложениям, а в поэтических произведениях А. А. Дельвига (188 стихотворений, 1720 предложений) – 19 таких конструкций. Таким образом, Вяземский использует многокомпонентные сложноподчиненные предложения более чем в полтора раза чаще, чем Дельвиг (это 1,9 % от числа всех предложений в творчестве Вяземского и лишь 1,1 % – в творчестве Дельвига), что свидетельствует о большей значимости подобного типа конструкций для Вяземского.

С точки зрения числа частей в многокомпонентном сложноподчиненном предложении по-

этическое творчество двух поэтов демонстрирует сходную картину – 80 % многокомпонентных сложноподчиненных предложений и у Вяземского, и у Дельвига состоят из трех компонентов (минимальное число для предложений данного типа). Однако конструкции из четырех и более компонентов у Вяземского как по числу слов, так и по количеству стихотворных строк более объемны в сравнении с Дельвигом, а также дополнительно структурно насыщены, что приводит к появлению выразительных стихотворных контекстов с предложениями анализируемого типа. Показательным является пример из стихотворения Вяземского «Осень 1830 года», в котором представлено шестикомпонентное сложноподчиненное предложение:

Как верить тяжело, чтобы твоя природа,
Чтобы тот светлый мир, который создал ты,
Который ты облек величьем красоты,
Могли быть смертному таинственно враждебны;
Чтоб воздух, наших сил питатель сей целебный,
Внезапно мог на нас предательски дохнуть
И язвой лютой проникнуть в нашу грудь;
Чтобы земля могла, в благом твоём законе,
Заразой нас питать на материнском лоне!
(Вяземский: 227)¹

Открывается поэтический контекст безличной односоставной конструкцией, типичной для творчества Вяземского; далее же представлен набор однородных придаточных с изъяснительным значением, дополнительно усложняющийся парой атрибутивных придаточных, которые также являются однородными. Повтор союзного слова «который» в сочетании с личным местоимением «ты» позволяет дополнительно сфокусировать внимание на видимом противоречии идеального божественного замысла и реального, земного положения дел (а именно холеры, свирепствовавшей осенью 1830 года).

В творчестве Дельвига, напротив, мы встречаем лишь не более чем пятикомпонентные сложноподчиненные предложения, которые к тому же представлены более компактно. В сравнении с Вяземским, который в своем творчестве представляет и двенадцати- и даже шестнадцатистрочные многокомпонентные предложения (см. стихотворение «Из “Поминок”»), конструкции Дельвига не превосходят девяти строк по объему и в целом количественно менее развернуты (4,8 строки против 5,1 у Вяземского).

С точки зрения синтаксических отношений между частями представленные в поэтических конструкциях исследуемых авторов многокомпонентные сложные предложения демонстрируют большое разнообразие смыслового потенциала. В работе А. А. Логачевой и Е. Г. Колыхановой, посвященной сложносочиненным многокомпонентным предложениям, отмечается, что неконкретность семантики исследованных конструкций «сгущает смысл произведения, предоставляет возможности для его многоаспектного прочтения»

[7: 168]. В определенном смысле слова этот вывод можно перенести и на многокомпонентные сложноподчиненные предложения. И в творчестве Вяземского, и в поэзии Дельвига мы наблюдаем в целом преобладание изъяснительных и атрибутивных синтаксических отношений. И у того, и у другого автора количественно главенствуют изъяснительные отношения, причем, как правило, они встречаются обособленно от других типов синтаксических отношений в пределах предложения, например:

Сумбур, творец ее, ручается собой,
Что слезы зрители польют река-рекой,
Что волосы у них от страха дыбом станут!
(Вяземский: 51)

Кто ж бы дерзнул и помыслить из нас,
что душой он коварен,
Что в городах и образ прекрасный и клятвы
преступны. (Дельвиг: 74)²

Атрибутивные отношения встречаются чуть реже, и им свойственно соседство с другими типами синтаксических отношений – например с отношениями времени:

О муза, возвести, хотя на слабой лире,
Ее все прелести, которых видим мы,
Когда, одетая во лебячую порфиру,
Вселенную тягчит алмазными цепями.
(Дельвиг: 81)

Встречается и контаминация, аппликация смыслов: определительная семантика совмещается с синтаксическими отношениями места:

Или в театре народовом,
Где окриляют польским словом
Патриотический порыв,
Стихи Немцевича забыв,
Глас старца, убеждения полный,
Которым движет и живет
Он зыбкого партера волны,
И увлекает и разит. (Вяземский: 181)

Сами атрибутивные отношения здесь, скорее, уходят на второй план, выступая лишь дополнительным инструментом формирования повествовательной канвы, лишь уточняющим и формирующим восприятие читателем собственно событийной части.

Нередко и у Вяземского, и у Дельвига изъяснительные и атрибутивные синтаксические отношения гармонично комбинируются в пределах одного многокомпонентного предложения:

Дойдет ли до того затейливый наш век,
Который много снял оков с нас и опек,
Чтоб перебрасывать и нас по телеграфу
В Неаполь из Москвы, из Петербурга в Яфу?
(Вяземский: 349)

Скажи, куда уйдешь от скуки и жены,
Жены, которая за всякую морщину
Ее румяных щек бранится на тебя?
(Дельвиг: 108)

Показательным и заслуживающим внимания видится большое количество придаточных со

значением места и времени в творчестве Вяземского и почти полное их отсутствие в поэзии Дельвига. Вяземский скрупулезно, последовательно локализует происходящее, стремится вписать его в определенное место и определенное время:

Приятно находить, попавшись на чужбину,
Родных обычаев знакомую картину,
Домашнюю хлеб-соль, гостеприимный кров,
И сень, святую сень отеческих богов, –
Душе, затертой льдом, в холодном море света,
Где на родной вопрос родного нет ответа,
Где жизнь обрядных слов один пустой обмен,
Где ты везде чужой, у всех – monsieur N. N.
(Вяземский: 260)

В частности, в творчестве Вяземского именно синтаксические отношения места связывают части наиболее объемного по числу строк многокомпонентного предложения из числа исследованных – оно занимает четыре строфы (16 строк) и превращает речь в периодическую:

Там, где царскосельских сеней
Сумрак манит в знойный день,
Где над роем славных теней
Вьется царственная тень;
Где владычица полмира
И владычица сердец,
Притаив на лоне мира
Ослепительный венец,
Отрешась от пышной скуки
И тшеславья не любя,
Ум, искусства и науки
Угощала у себя;
Где являлась не царицей
Пред восторженным певцом,
А бессмертною Фелицей
И державным мудрецом. (Вяземский: 314–315)

А в некоторых случаях синтаксические отношения места и времени комбинируются Вяземским в пределах одного предложения, формируя необычный хронотоп, закономерно выносимый автором в начало лирического произведения для того, чтобы сразу же погрузить читателя в подходящую для восприятия текста атмосферу:

Ты светлая звезда таинственного мира,
Когда я возношусь из тесноты земной,
Где ждет меня тобой настроенная лира,
Где ждут меня мечты, согретые тобой.
(Вяземский: 252)

Дельвиг же в своем поэтическом творчестве обходится минимальным количеством синтаксических отношений подобного типа (в исследованных конструкциях было обнаружено лишь два придаточных времени и ни одного придаточного места), сосредотачивая внимание на традиционных атрибутивных и изъяснительных синтаксических отношениях.

Интересным видится использование осложнителей предложения в конструкциях анализируемого типа. Здесь наблюдается разительное

расхождение в видах осложнителей, используемых разными авторами. Рассуждая о специфике лирического текста, можно по праву говорить о «высокой степени активности осложняющих конструкций» в нем, об «особой и чрезвычайно важной роли категории осложнения в организации стихотворного дискурса» [8: 5].

Для Вяземского излюбленными являются такие осложнители, как деепричастный и причастный обороты, которые зачастую могут неоднократно встречаться в пределах одного предложения.

Где владычица полмира
И владычица сердец,
Притаив на лоне мира
Ослепительный венец,

Отрешась от пышной скуки
И тщеславья не любя,
Ум, искусства и науки
Угощала у себя... (Вяземский: 315)

Дельвиг, напротив, предпочитает такие осложнители, как обращение и вставная конструкция:

О **муза**, возвести, хотя на слабой лире,
Ее все прелести, которы видим мы <...>
(Дельвиг: 81)

Блажен, о **юноша!** кто, подражая мне,
Не любит рассылать себя по всем журналам <...>
(Дельвиг: 107)

Что, если ваш супруг, хоть он поэт
(**Но у меня к женатым веры нет**),
Вообразит, что я согнул колена,
Как влюбчивый пред вами Селадон! (Дельвиг: 142)

Вставные конструкции с использованием скобок представляют собой одну из отличительных черт поэзии Дельвига, проявляющуюся на протяжении всего его творчества и заметную даже тому читателю, который может даже и не углубляться в анализ собственно синтаксических отношений, поскольку подобного рода вставки бросаются в глаза; функционал и выразительность таких контекстов требуют дополнительного, более пристального изучения.

Следует сказать несколько слов об однородном подчинении в творчестве обоих авторов. Для Дельвига подобного рода конструкции скорее нетипичны (всего было обнаружено лишь четыре случая многокомпонентных сложноподчиненных предложений с однородными придаточными). А вот Вяземский, в силу собственного стремления к рациональности и желания продемонстрировать читателю дополнительные уточнения и возможные варианты, напротив, был склонен активно использовать однородные придаточные разных типов в сложных предло-

жениях, насыщая речь периодами и синтаксическим параллелизмом, повторами (подробнее см. раздел «Однородные придаточные в лирике Вяземского» в монографии «Идиостиль П. А. Вяземского: синтаксический аспект» [6: 91–95]). Если говорить именно о многокомпонентных сложноподчиненных предложениях, то в этом случае автор выбирает преимущественно атрибутивные однородные придаточные и придаточные с контаминацией значений пространственных и атрибутивных.

В стране, где гордый Тибр златые катит воды,
Где Капитолий вознес свою главу,
Вспомни прах Кремля, сей памятник свободы,
Вспомни славную в падении Москву
(Вяземский: 198)

Нет, вдохновением дается счастье нам,
Как искра творчества живой душе поэта,
Как розе свежий фимиам,
Как нега звучная певцу любви и лета.
(Вяземский: 171–172)

Смотрю я на другую сцену,
Где страсти действуют живьем,
Где в представлении немом
Актерам зрители на смену. (Вяземский: 181)

Полученные в ходе исследования данные позволяют сделать ряд выводов, связанных с идиостилем авторов. Если внешне представление подобных многокомпонентных сложноподчиненных предложений в творчестве Вяземского и Дельвига схоже (в частности, если ограничиться только подсчетом количества компонентов), то при более пристальном рассмотрении обнаруживается одна из идиостилевых доминант творчества Вяземского – в выборе специфических синтаксических отношений между частями, в осложнении подобных конструкций, в большем стремлении к использованию однородных придаточных.

В целом же изучение многокомпонентного сложноподчиненного предложения позволяет более последовательно описать специфику творчества отдельных писателей, уточнить особенности их поэтического мастерства и стилистические предпочтения, увидеть, как отмечала И. И. Ковтунова, «более регулярную, чем в лексике, и более строго очерченную систему средств выражения» [3: 4], а также отыскать критерии для более объективного сравнения стихотворений разных авторов (как между собой, так и в пределах целой эпохи). Универсальным инструментом для решения лингвистических вопросов данного направления может стать «Синтаксический словарь русского языка».

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века», № 17-04-00168.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее тексты П. А. Вяземского цитируются по изданию: Вяземский П. А. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1958. 502 с.

- ² Здесь и далее тексты А. А. Дельвига цитируются по изданию: Дельвиг А. А. Сочинения. Л.: Художественная литература, 1986. 460 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беднарская Л. Д. Многокомпонентное сложное предложение и сложное синтаксическое целое // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Спецвыпуск. С. 22–27.
2. Ивкова Е. Ю. Многокомпонентные сложноподчиненные предложения как системообразующий фактор в двуязычной письменной речи персонажей художественных произведений (на материале романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир») // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 5. С. 180–183.
3. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 208 с.
4. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург; Омск: Издательско-полиграфический отдел ОмГУ, 1999. 268 с.
5. Лагоденко Ж. М. Структурно-семантический анализ сложноподчиненного предложения [на материале английского языка] // Научные ведомости БелГУ. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 6 (177). С. 92–97.
6. Лебедев А. А. Идиостиль П. А. Вяземского: синтаксический аспект. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 136 с.
7. Логачева А. А., Колыханова Е. Г. Сложносочиненные предложения с противительной семантикой в языке лирики XIX–XX веков // Ученые записки ОГУ. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 166–168.
8. Патроева Н. В. Поэтический синтаксис: категория осложнения. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. 333 с.
9. Патроева Н. В., Лебедев А. А. Проект синтаксического словаря языка русской поэзии XVIII – первой половины XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 3 (148). С. 53–55.
10. Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: В 4 т. / Под ред. Н. В. Патроевой. Т. 1: Кантемир, Тредиаковский. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. 576 с.
11. Тарланов З. К. Русский литературный язык пушкинского периода: становление критико-публицистического стиля. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. 275 с.
12. Цыплякова О. Ю. Многокомпонентные сложноподчиненные предложения в эрзянском языке // Вестник Чувашского университета. 2008. № 1. С. 238–244.

Lebedev A. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

THE ISSUE OF STRUCTURE OF MULTICOMPONENT COMPLEX SENTENCES IN THE LANGUAGE OF THE XIX CENTURY POETRY*

The article deals with the specifics of the structure of multicomponent complex sentences in the poetry of Pyotr Vyazemsky and Anton Delvig, famous poets of the XIX century, not so well known to readers nowadays. Data obtained during the work on the “Syntactic Dictionary of Russian Poetry” are involved. The most productive models of multicomponent complex sentences are defined. The article presents the analysis of the poetic texts of two authors, based on a number of criteria: the size of the construction, syntactic relations, the use of semi-composite sentences, and the use of homogeneous subordinate clauses. Despite the formal similarity of the analyzed structures in terms of the sentences size and the basic syntactic relations, there are fundamental differences in the choice of certain types of subordinate clauses (in particular, clauses of time and place) by the authors, in the usage of different types of compicators (participial phrases, vocatives and parenthetical constructions), and in the presence or absence of homogeneous subordinate clauses in a sentence. The findings provide a more consistent and accurate description of the specificity of Vyazemsky’s and Delvig’s poetry, which enables to determine the authors’ stylistic preferences, and to clarify the role of these authors in forming a poetic picture of the XIX century against the background of other poets of that time.

Key words: poetic syntax, multicomponent complex sentence, grammar of poetry, category of complication, idiosyle, syntactic dictionary

* The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No 17-04-00168 “Syntactic dictionary of Russian poetry of the XIX century”).

REFERENCES

1. Bednarskaya L. D. Multicomponent complex sentence and the complex syntactic whole. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. Special issue. P. 22–27. (In Russ.)
2. Ivkova E. Yu. Multicomponent complex sentences as system-forming factor in bilingual writing speech of characters in literary text (a case study of the epic novel *War and Peace* by Leo Tolstoy). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016. No 5. P. 180–183. (In Russ.)
3. Kovtunova I. I. Poetic syntax. Moscow, 1986. 208 p. (In Russ.)
4. Kuz'mina N. A. Intertext and its role in the evolution of the poetic language. Ekaterinburg, Omsk, 1999. 268 p. (In Russ.)
5. Lagodenko Zh. M. Structural and semantic analysis of complex sentences [based on the English language]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2014. No 6 (177). P. 92–97. (In Russ.)
6. Lebedev A. A. The idiosyle of Pyotr Vyazemsky: the syntactic aspect. Petrozavodsk, 2013. 136 p. (In Russ.)
7. Logacheva A. A., Kolykhanova E. G. Compound sentences with adversative semantics in the lyric poetry language of the XIX and XX centuries. *Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2015. No 1. P. 166–168. (In Russ.)
8. Patroyeva N. V. Poetic syntax: category of complication. Petrozavodsk, 2002. 333 p. (In Russ.)
9. Patroyeva N. V., Lebedev A. A. Syntactic dictionary of Russian poetry of the XVIII and the first half of the XIX centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2015. No 3 (148). P. 53–55. (In Russ.)
10. Syntactic dictionary of Russian poetry of the XVIII century. In 4 vol. (N. V. Patroyeva, Ed.). Vol. 1: Kantemir, Trediakovskiy. St. Petersburg, 2017. 576 p. (In Russ.)
11. Tarlanov Z. K. Russian literary language of Pushkin's period: the formation of critical and journalistic style. Petrozavodsk, 2017. 275 p. (In Russ.)
12. Tsyplakova O. Yu. Multi-component complex sentences in the Erzya language. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2008. No 1. P. 238–244. (In Russ.)

Поступила в редакцию 30.07.2018